

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.422

10.17213/2075-2067-2019-5-74-80

МЕТОДОЛОГИЯ М. ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

© 2019 г. В. С. Любченко, Л. В. Низовцева

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В статье показано, что методология «понимающей социологии» М. Вебера применима к анализу современного общества. Это позволяет представить его становление как формирование определенного типа личности — «экономического человека» со специфической мотивацией поведения. Рассматриваются последствия экспансии «экономического способа мышления» в другие сферы общества.

Ключевые слова: методология; современное общество; экономический человек; экономическое мышление; модернизация; рынок; модернизация в России.

The article shows that the methodology of «understanding sociology» by M. Weber is applicable to the analysis of modern society. This allows representing its formation as the formation of a certain type of personality — an «economic man» with specific motivation for behavior. The consequences of the expansion of the «economic way of thinking» into other areas of society are considered.

Key words: methodology; modern society; economic man; economic thinking; modernization; market; modernization in Russia.

На наш взгляд, чтобы понять современное общество и происходящие в нем процессы, прежде всего, его нестабильность, возникновение глубоких противоречий как внутри отдельных государств (США), так и между государствами (США — Китай), гибридные войны, массовые протесты (Франция, Венесуэла, Боливия, Чили), дестабилизацию целых регионов и т.д., надо попытаться выявить те процессы, которые происходят на глубинном уровне социума и проявляются на его поверхности в виде политических и экономических кризисов, информационных, холодных и горячих войн и т.д. Глубинные изменения, как нам представляется, это изменения на уровне

ценностей, мотивов поведения, которые приводят к изменениям в экономической, политической и социальной сферах. Такой подход к исследованию общества представлен в работах М. Вебера, который создал концепцию социального действия, позволившую осмыслить важную составляющую социальной жизни — мотивы поведения социальных субъектов и лежащие в их основе цели-ценности.

М. Вебер считает, что социология «есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [2]. Социальное действие — это действие, в которое действующий индивид вкладывает опре-

деленный смысл и соотносит его с действиями других людей и ориентируется на них.

Важная характеристика социального действия — его осознанность, осмысленность. Осмысленность означает наличие цели, ради которой совершается действие. Полагание цели — это одновременно придание значимости тому, что полагается в качестве цели. Объекты и события не представляют собой ценности и не попадают в сферу нашего внимания, если они не соотношены с нашими интересами. Полагание смысла тем самым есть и придание ценности определенным фрагментам реальности, на которые направлено действие. С точки зрения «понимающей социологии» понять конкретное общество мы можем только в том случае, если понимаем смысл действий составляющих его индивидов. Это достаточно сложная задача, поскольку другие общества они потому и другие, что нам трудно понять мотивацию индивидов данного общества, смысл их действий. Мы априори вкладываем в действия людей других культур те смыслы, которыми руководствуемся сами. Однако опыт исследования других, незападных, культур показывает, что в них существует другая шкала ценностей и, соответственно, другая мотивация действий.

Выявление мотива, смысла социального действия осложняется тем, что внешний наблюдатель, социолог, непосредственно наблюдать мотивы исполнителя действия не может. Вебер считает, что преодолеть субъективизм в интерпретации мотивов позволяет процедура «отнесения к ценности». Она позволяет определить смысл действия, исходя из «установки» современной ему культуры. Но общество и культура не однородны. Общество включает в себя различные, достаточно автономные подструктуры, сферы: материальное производство, политику, науку, образование и т.д., в которых формируются свои приоритеты, цели-ценности, отличные от тех, что формируются в других сферах. Эти сферы — различные «миры» со своими правилами, нормами, ценностями. Они взаимодействуют между собой, конкурируют, борются за ресурсы и статус. Собственно, общества и различаются тем, какая сфера является доминирующей. В феодальном обществе доминировала военная сфера (фе-

одалы — профессиональные воины), а все другие фактически были зависимы от нее. В современном обществе доминирует сфера рынка, которая подчинила себе все другие сферы: материальное производство, политику, образование и т.д.

Наличие в обществе различных «миров» со своими собственными системами ценностей, со своей особой мотивацией создает ряд трудностей для исследователя, поскольку конкретный индивид в определенной ситуации, совершая какое-то действие, может руководствоваться различными мотивами. Он, как правило, находится в ситуации выбора. Общество с этой точки зрения — это огромное количество противоречивых жизненных позиций, возникающих из разных ценностных ориентаций, «вечная борьба богов», как определяет это Вебер. Удел человека — неизбежный выбор между этими «богами».

Социология как наука не может и не должна заниматься исследованием мотивов поведения отдельных индивидов. Она должна выявлять закономерное, выделить универсальные мотивы поведения, которые создают устойчивые социальные связи и зависимости. Они недоступны поверхностному наблюдению, и их выявление предполагает аналитическую работу, обобщение и систематизацию. Эти связи и мотивы отражаются с помощью понятия «идеальный тип» [1]. Это теоретическая конструкция, идеализация, которая фиксирует устойчивые мотивы, определяющие поведение индивидов конкретного социума [4]. Идеальными типами являются, например, такие понятия, как «феодал», «предприниматель», «политик», «ученый» и т.д., если они представлены через типичные мотивы поведения. Это означает, что конкретное общество, например, средневековой Европы или Китая мы сможем по-настоящему понять, если поймем мотивацию индивидов данного общества, его смысловую сферу.

Изменение смыслов, по Веберу, есть главное условие трансформации феодального общества в капиталистическое. Это означает, что формирование «духа капитализма» в определенном смысле предшествует самому капитализму как социально-экономической системе [2]. Фактически это означает, что исследователь переносит внимание

с «объективных» процессов, происходящих в социуме, на субъективное, сферу мотивов и смыслов, которые рассматриваются как важнейший фактор социальных изменений. Сейчас уже стало очевидным, что, изменив сознание больших социальных групп, можно изменить общество в нужную сторону. Это показали события последних трех-четырех десятилетий.

Идеальный тип как теоретическая конструкция выделяет специфические именно для данного социума или социальной группы смыслы и мотивы и показывает, какими были бы процессы и последствия социальных действий, если бы они происходили в «чистом виде», без искажающего влияния различных побочных факторов, таких как чувства, традиции, ошибки, неадекватные средства и т.д. Вебер считал, что методология идеальных типов дает возможность глубже понять социально-историческую действительность.

Таким образом, в веберовской методологии важное место занимает теоретическое конструирование «идеальных типов» как определенных «образцов», содержащих типичные для данного социума или его отдельной сферы мотивы социальных действий.

Это означает, что в реальности никакой «чистой», единой для всех рациональности не существует, но всегда есть рациональность, определяющая поведение конкретной социальной группы или класса, поэтому, к примеру, невозможно содержательное сравнение рациональности аристократа и предпринимателя, ученого и священника. Эти типы рациональности и типы социального действия можно выделить как особый «идеальный тип» и с его помощью объяснять реальное поведение социальных субъектов.

Как известно, Вебер особое внимание уделял проблеме генезиса капитализма. По его мнению, капитализм как социальная система базируется на особом типе рациональности — «экономической рациональности», которая представлена в абстракции «экономический человек». Современная экономическая наука не занимается проблемой генезиса «экономического мышления» и «экономического поведения». Она рассматривает их как «естественные», свойственные человеческой «природе», а если в каком-то обществе люди мыслят и действуют «не эко-

номически», это считается следствием различного рода заблуждений, от которых следует избавляться.

Широкая экспансия западной модели рыночной экономики во все регионы мира, в том числе и в Россию, породила ряд проблем теоретического и практического плана, которые поставили под вопрос «естественность» «экономического мышления» и «экономического поведения».

В условиях становления рыночных отношений в России именно формирование нового типа личности — «экономического человека» — стало важнейшей проблемой, которую в 90-е надо было срочно решать теоретически и практически. Сейчас ситуация такова, что теоретики и практики рыночных реформ о необходимости формирования в России западного типа личности — «экономического человека» — больше не говорят, поскольку сам Запад стремительно меняется, переходит из модерна в постмодерн, создавая какой-то новый тип личности — «неэкономического человека», и Россия меняется, не желая становиться таким «Западом».

В современном научном дискурсе модерн и постмодерн, их соотношение и взаимосвязь — активно обсуждаемые темы. На наш взгляд, методология Вебера может быть достаточно продуктивной в исследовании этих социальных феноменов, поскольку позволяет рассмотреть их на уровне социальных субъектов как совокупность определенных мотивов поведения, целей-ценностей, возникающих на определенном этапе развития западного социума.

Исследования Вебера, Зомбарта и других социологов показали, что базовый тип личности эпохи модерна — «экономический человек» — порожден не столько объективными социальными процессами, происшедшими в Западной Европе XVII–XIX веков, сколько ее «идеологами», духовными лидерами, изменявшими смысловое поле западного социума [7]. «Экономический человек» является носителем определенного типа рациональности — экономической рациональности. Современная экономическая наука отождествляет экономическую рациональность и рациональность вообще, делает тем самым «экономического человека» надъисторическим, предельным воплощением

разумности, эталоном, к которому все должны стремиться.

Одним из «теоретиков», формировавших «экономического человека» и «экономическое мышление», был, как известно, Б. Франклин. Его знаменитые наставления тем, кто хотел бы разбогатеть, издавались огромными тиражами, «экономическая рациональность» обретает в них четкую форму. В «Наставлениях» были представлены новые правила жизни, обозначены главные жизненные цели и средства их достижения. Главная цель — рост капитала, а главные средства — дисциплинированность, исключая непроизводительную трату времени и денег, умеренность в расходах, прилежание, строгий учет средств, пользование кредитом, постоянный рост доходов [5].

В. Зомбарт также исследовал процесс формирования «экономического человека». Он писал, что современный экономический человек в наиболее чистом виде проявляется в американском предпринимателе. Его деятельность направлена на увеличение прибыли за счет уменьшения издержек [3].

Определенные успехи Запада, в котором экономическая рациональность приобрела эталонный характер, дают основание экономистам отождествлять экономическое и рациональное. На самом деле экономическая рациональность — один из многих существующих в социуме типов рациональности. В незападных обществах России, Индии, Китая торговец не являлся эталоном, образцом. В качестве эталона в культуре Китая, например, утверждался эталон «благородного мужа». Экономическая рациональность как рациональность торговца присутствовала в культуре Китая, но человек с таким типом мышления оценивался как «низкий человек», поскольку его главным мотивом была собственная выгода.

Экономический «империализм» как стремление современных экономистов объяснить любое поведение с помощью экономической рациональности стал возможен только потому, что в западном обществе рынок действительно распространяет свои нормы и правила на те сферы социума, которые раньше регулировались с помощью других норм.

Применяемая методология позволяет понять, что «экономический способ мышле-

ния» и экономическое поведение не являются естественными, свойственными человеку как существу рациональному. Исследование процесса формирования экономического поведения и мышления показывает, что вначале это было поведение и мышление небольшой социальной группы, формирующейся в период становления рыночного общества, капитализма. Она имела собственную шкалу оценок, идеологию и соответствующие практики. Если говорить о цели, то это — получение прибыли, возрастание капитала. Способы получения прибыли — купля-продажа товаров, организация предприятия и т.д. [5].

Современное общество — это общество рыночное, в нем рыночная ментальность становится господствующей. Однако одни в мире рынка погружаются полностью (предприниматели), другие частично (врачи, ученые, военные и т.д.), поэтому другие социальные миры, такие как материальное производство, политика, наука, искусство, образование и т.д., могут по-разному взаимодействовать с миром рынка.

В западном социуме рынок постоянно расширяется и втягивает в себя другие социальные миры. Последние принимают правила рыночной игры, т.е. товаром становится то, что раньше товаром не являлось, а стремление к выгоде становится главным мотивом действия индивидов в других сферах, например, в сфере образования (вузовская кафедра теперь стала бизнес-структурой), здравоохранения, спорта и т.д. За последние десятилетия произошли разительные изменения в спорте, который прошел путь от честного соревнования за право стать сильнейшим, прославить свою страну, до коммерческого предприятия, которое ориентировано на прибыль. Рынок также подчинил себе сферу политики. Теперь все имеет свою цену, например, место депутата Госдумы, губернатора или мэра.

С точки зрения «понимающей социологии» социум предстает как множество «миров» со своими специфическими системами ценностей [6]. В них представлены различные типы рациональности, а «экономическая рациональность», для которой главный мотив — прибыль, является одной из многих. Если данный тип рациональности становится доминирующим, претендует на всеобщность, как это происходит в современном

западном социуме, это становится разрушительным как для других социальных сфер, так и для самого рынка. Происходят негативные изменения в социальных отношениях, падает уровень доверия в обществе, нарастает эгоизм, аномия и т.д. [8]. Это означает, что рынок может быть эффективен, если он не распространяется на другие сферы, если стремление к прибыли не проникает в сферы политики, науки, образования, спорта и т.д. Сейчас уже очевидно: если рынок совершает экспансию в другие сферы, он разрушает общество. Это как атомная энергия: если ее не локализовать, она все разрушит.

На наш взгляд, экспансия рынка и рыночного способа мышления и поведения — суть процесса модернизации, становления общества модерна на Западе, который начинается в XVI–XVII веках и продолжается до настоящего времени разными темпами в разных странах. Сейчас это наглядно представлено в современной России, где экспансия рынка была остановлена в результате известных событий 1917 года и вновь началась в 90-е годы. Агрессивный и разрушительный характер рыночной экспансии мы все ощутили на собственной шкуре.

Таким образом, следуя методологии «понимающей социологии» Вебера, мы можем сказать, что важнейшее условие становления современного общества, или общества модерна, это, прежде всего, трансформация ценностно-мотивационной сферы, способа мышления и поведения западного индивида. В эпоху Просвещения начинается разрушение традиционной системы регуляции поведения и становление нового способа мышления и поведения, который определяется как экономическое мышление и экономическое поведение. Это было становление нового типа личности — «экономического человека», предпринимателя, нацеленного на получение максимальной прибыли. Окружающий мир, в том числе и другие люди, превращаются в средство увеличения капитала.

В ходе модернизаций догоняющего типа предпринимались попытки пересадить экономическую рациональность на другую культурную почву. Они, как правило, сталкиваются с трудностями, поскольку принимающая культура воспринимает экономическую рациональность как нечто инородное и даже

враждебное. Причина этого в том, что экономическая рациональность опирается на систему ценностей, маргинальных для модернизирующегося общества. Это в полной мере относится к ситуации в России.

Сейчас уже можно подвести определенный итог процессов адаптации населения России к новым рыночным условиям. Успешность адаптации и перспективы развития рыночных отношений в нашем обществе в конце 90-х и начале 2000-х исследователи связывали со способностью россиян к изменению устоявшейся системы ценностей. Е. Ясин писал: «Успех модернизации российской экономики в значительной степени зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только условие успеха модернизации, ее социальный контекст, но и, если задуматься, ее наиболее глубинное содержание: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей» [11].

Теоретики модернизации, как в России, так и на Западе, считали, что необходимым условием экономического роста является «продуктивная система ценностей». Л. Харрисон выделял ряд составляющих западной системы либеральных ценностей, от характера которых зависит общественное развитие [10]. Продуктивны высокий уровень доверия, этическая система, обычно связываемая с религией (предпочтительнее с протестантской, чем с католической), демократия как способ реализации власти, трудолюбие, образование, склонность к инновациям, сбережениям, одобрение прибыли как выражения успеха. В западной системе ценностей также высокий ранг занимает ценность личности, индивидуализм, свободы и права человека в сочетании с личной и социальной ответственностью. Однако следует учитывать, что так называемая «первичная» модернизация, происходившая на Западе в XVII–XIX веках, была уникальным явлением, поскольку, как показал Вебер, опиралась на две не соединимые до этого ценности — ценность успеха в делах и ценность мирского аскетизма. Модернизации «догоняющего» типа не находят соответствующей основы в системе ценностей незападных стран и поэтому оказываются неорганичными.

Модернизируемые незападные общества легко усваивают такую составляющую культуры Запада, как потребительство. А. С. Панагин писал: «Тонкая внутренняя игра западной культуры, состоящая в балансировании между аскезой труда и гедонизмом досуга и потребительства, на расстоянии не улавливается. Чужая культура не может передать другим свою аскезу, а вот ее внешние плоды в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений оказываются наиболее «коммуницирующими» [8]. Когда на западе культура эволюционировала в потребительно-гедонистическую, был провозглашен культурный плюрализм, ее привлекательность для незападных стран возросла. Как отмечают социологи, в России модернизация реализуется, прежде всего, в сфере досуга и потребления, но не труда [8].

В то же время выяснилось, что модернизационный потенциал незападных стран неодинаков и зависит от особенностей национальных культур.

В 90-е годы российские социологи стали исследовать модернизаторский потенциал русской культуры, в том числе и православия. Однако их выводы были неутешительны: русское православие не дает высших духовных санкций для активной работы в миру. Трудовая активность в русском православии занимает подчиненное место по сравнению с трудом духовным.

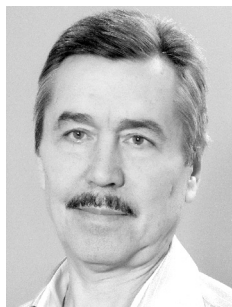
Пока российские экономисты и социологи активно обсуждали проблемы российской модернизации, общество модерна, в которое мы так стремились и которое вначале виделось как общество изобилия, свободы и равных возможностей, неожиданно для нас стало довольно быстро по историческим меркам переходить в некое другое состояние, которое теоретики обозначили как постмодерн. В нем «экономический способ мышления» и «экономическое поведение» стремительно утрачивают свое ведущее положение.

Как нам представляется, проведенный Вебером анализ становления «духа капита-

лизма» и «экономического человека» как базового типа личности эпохи модерна должен быть дополнен исследованием становления основных характеристик типа личности эпохи постмодерна. Об этом вторая статья.

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социальной мысли. — М.: Прогресс, 1993. — 608 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. Зомбарт В. Буржуа. — М.: Наука, 1994. — С. 139–142.
4. Идеальный тип. Социология. Энциклопедия. — С. 343.
5. Любченко В. С., Алексеенко В. В. Экономическое поведение: абстракция и реальность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский Регион. Серия: Общественные науки. — 2006. — №56. — С. 17–28.
6. Любченко В. С., Белоус Э. И. Современный социум: Ценностные основания соперничества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2015. — №2. — С. 128–133.
7. Низовцева Л. В. Экономический человек как феномен западной культуры // Вестник Южно-Российского государственного университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2014. — №4. — С. 61–65.
8. Социальная модернизация России: Материалы обсуждения за «круглым столом» в Институте философии РАН // Вестн. Рос. Акад. Наук. — 1993. — Т. 63. — №3. — С. 188.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 474 с.
10. Харрисон Л. Кто процветает? — Пре-принт. — 1992. — С. 12.
11. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. — 2003. — №4. — С. 4.

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Юриспруденция, философия и история» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Lyubchenko Vasily Sergeevich — doctor of philosophical Sciences, Professor of the «Law, philosophy and history» Department of South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-57-71; e-mail: sophiya_npi@mail.ru

Низовцева Лариса Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Юриспруденция, философия и история» Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Nizovtseva Larisa Vladimirovna — Candidate of philosophical Sciences, Assistant Professor of the «Law, philosophy and history» Department of the South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-57-71; e-mail: sophiya_npi@mail.ru